

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.009
УДК 81'373.21 + 398.33(47-15) + 711.01 +
+ 398.9:81'28

О. В. Белова
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

ТОПОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДА ПРОВОДОВ ЗИМЫ НА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Статья посвящена анализу топонимов, встречающихся в рифмованных приговорках, сопровождающих локальный обряд проводов зимы в Западном Полесье (Брестская, Волынская, Ровненская области). Обряд приурочен к *Прводам* — первому воскресенью или понедельнику после Пасхи — и представляет собой типичный пример ритуального изгнания (в данном случае календарного сезона). Круг топонимов, а также векторность изгнания зимы из «своего» пространства в «чужое» дают возможность охарактеризовать особенности локальных представлений о символических границах, а также о механизме формирования в сознании носителей той или иной (микро)локальной традиции ментальных карт, отражающих мифологию пространства. Вербальные формулы с упоминанием топонимов демонстрируют разные способы структурирования пространства языковыми средствами (от центра к периферии, внутри и вне «своего» пространства, пересечение символических границ), намечают основные векторы обрядового пути мифологизированного персонажа (зимы) — микролокальный, локальный, региональный, государственный. В ряде случаев выбор места изгнания зимы из конкретного населенного пункта определяется его статусностью и значимостью для локальной конфессиональной традиции. Некоторые формы топонимов, зафиксированные в фольклорных текстах, свидетельствуют о влиянии структуры текста (название меняется под действием рифмы, созвучий, аллитераций). Лексика обряда проводов зимы органично согласуется с этнодиалектным членением Полесья. Изгнание зимы на запад определяется четкой западной границей региона, где бытует обряд (линия Дрогичин — Пружаны — Камень-Каширский). Принимая во внимание членение полесского региона по оси «север — юг», полагаем, что для обряда,

распространенного исключительно в северной части Западного Полесья, приоритетным направлением изгнания зимы из «своего» пространства в «чужое» становится юг (юго-запад, юго-восток), что подтверждается топонимами из обрядовых текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обряд проводов зимы; топонимы; ментальные карты; малые фольклорные жанры; этнодиалектное членение региона; лингвокультурное пограничье

Локальный обряд проводов (изгнания) зимы, зафиксированный исследователями в центральной части брестского Полесья (Березовский, Ивановский, Ивацевичский, Пинский, Столинский р-ны Брестской обл.) и в примыкающих к этой территории районах Волынской (Любешовский р-н) и Ровненской (Заречненский р-н) областей уже становился объектом изучения фольклористов и этнолингвистов, описавших его структуру и географию и проанализировавших акциональный, вербальный и временной коды обряда [Агапкина, 1995, 80–82; 2002, 275; Толстая, 2005, 195–199; Виноградова, 2004; ПЭС, 84; ТМКБ, 124–126]¹.

Обряд приурочен к *Провадам* — первому воскресенью или понедельнику после Пасхи (т. е. к Фоминой неделе) [Агапкина, 2012, 403; Виноградова, 2004, 504] — и представляет собой типичный пример ритуального изгнания (в данном случае календарного сезона), воплощаемого в целом ряде действий [Агапкина, Виноградова, 1999, 394].

Ритуал, во время которого «гонят», «прогоняют», «выгоняют», «провожают» зиму, в разных микролокальных традициях предписывает следующее: зиму символически выметают или выгребают из углов дома, из-под лавок и печей, со двора; стучат метлами и палками по заборам и воротам; выбрасывают (выносят за деревню, бросают на дорогу или в проточную воду) старые веники, лапти, скорлупу пасхальных яиц; сжигают старые вещи; кочергой катают по земле пасхальное яйцо; кидают камни в ворота и заборы; умываются, обливаются проточной водой [Агапкина, 1995, 80–82; Толстая, 2005, 195–199].

Действия по изгнанию зимы довольно часто сопровождалась лаконичными рифмованными присказками, суть которых заключается в том, что зима, которая всем надоела («докучила», «надокучила») и всех «допекла», должна уйти «вон», «вон из хаты», «до бору» (в лес), «до неба» и не возвращаться «до Петра»², т. е. до Петрова дня, считающегося в народном календаре временной точкой, маркирующей приближение осени [Агапкина, 2009; Толстая, 2005, 171–175].

Наше внимание привлекли речевые формулы с упоминанием топонимов — названий тех мест, куда выпроваживали зиму. Круг географических названий, зафиксированных в полесских описаниях «изгнания зимы», достаточно узок.

¹ Материалы по обряду проводов зимы из указанного региона в большинстве своем хранятся в Полесском архиве [ПА]; в архиве [БЭЛА]; в архиве Лаборатории традиционного искусства Белорусского государственного института проблем культуры (Минск).

² Например: *А ну, зыма, до Пэтра, ужэ ты нам допэклá* (Пнс.: Ласицк) [ПА]; *Иди, зима, до Петра, бо ты нам допекла* (Пнс.: Остров) [ПА].

Тем не менее интересно рассмотреть их не только и не столько с точки зрения достоверности³, сколько в связи с проблемой структурирования пространства языковыми средствами и с проблемой формирования в сознании носителей той или иной (микро)локальной традиции так называемых ментальных карт⁴, отражающих народные представления о «своем» и «чужом» пространстве, границах освоенного пространства и о векторности (направления движения), заложенной в самом сценарии обряда проводов (изгнания).

В этой публикации мы хотели бы наметить пути решения следующих задач:

- определить круг топонимов, входящих в текст полесского обряда проводов зимы;
- в случае их достоверности установить их соотношение с пунктами, где был зафиксирован тот или иной вариант приговорки (по степени близости — дальности);
- выявить основные векторы (направления) изгнания персонифицированного времени года;
- выяснить критерии отбора «мест изгнания»: определяется ли выбор конечной точки ее географическим положением относительно начального пункта; является ли значимым статус места, куда выпроваживают зиму; насколько сильно влияет на выбор топонима структура фольклорного текста (рифма, созвучие, аллитерация и т. п.).

Топонимическая картина фольклорных текстов непосредственно связана с проблемой «географии фольклора», отражающей не столько топографическую конкретику, сколько представления о мифологии пространства (противопоставление центра и периферии, символика стран света, символические границы между «тем» и «этим» светом и т. п.). Встречающиеся в разных фольклорных текстах (и поэтических, и прозаических) географические названия указывают как на место

³ В записях из [ПА] иногда содержатся комментарии или пояснения к топонимам, данные самими информантами (*Зима, иды до Кучова* [селó такé] — Стл.: Радчицк) или записанные с их слов — при отсутствии таковых на географических картах можно предположить, что информанты рассуждают соответственно своим «географическим» представлениям и название может быть произвольно искажено или вообще не привязано к конкретному месту, являясь элементом текста, условным обозначением некоего отдаленного пространства. Иногда пометы принадлежат самим собирателям (*Иды, зима, до Тучэво* [близлежащая деревня], *бо ты нам надокучыла* — Стл.: Радчицк), при этом часто названия, записанные «на слух», не проверяются по картам, а при подготовке рукописных текстов к публикации случаются ошибки в распознавании почерка собирателя, что способствует тиражированию неточностей и дает искаженное представление о микролокальной картине мира (см. об этом далее).

⁴ Заслуживает внимания опыт польской этнолингвистики М. Ляшкевич, которая предложила образцы ментальных карт, составленных на основе стереотипных представлений поляков об их этнических соседях и отражающих модель этнического соседства, сформированную средствами языка и фольклорных представлений о мироустройстве. Как отмечает исследовательница, подобная картография являет собой один из способов вписать «свой» народ в многонациональную карту соседей, чужеземцев и противников [Łaszkiwicz, 2021, 346, 348, 352, 353].

действия сюжета, так и на разный статус разных локусов и аксиологию пространства в целом [подробнее см.: Березович, 2010; 2012]. Таким образом, народная топонимия — это основа ментальных карт (от микролокальных до государственных), которыми обладает носитель традиции и которыми он оперирует, выстраивая свои отношения с пространством по степени близости / отдаленности от «центра», т. е. от позиции наблюдателя. Особый случай представляют пограничные регионы, когда ментальный «центр» оказывается на стыке нескольких языковых и культурных традиций. Именно такую ситуацию демонстрируют фольклорные формулы проводов / изгнания зимы, зафиксированные в Западном Полесье.

Топонимы в формулах изгнания зимы отражают несколько пространственных уровней (по степени удаленности от «центра»), которым мыслится село или деревня, где проводится обряд).

Прослеживаются микролокальные векторы внутри одного района, между сельсоветами. В с. Дружиловичи Лясковичского с/с Ивановского р-на зиму прогоняли на запад⁵, в близлежащие села — Кривицу (Сочивковский с/с Ивановского р-на, ок. 8 км западнее с. Дружиловичи) и с. Куляки (Сочивковский с/с Ивановского р-на, ок. 13 км западнее с. Дружиловичи), что нашло отражение в приговорах:

*А ну, зима, до Кривицы,
Каб нэ трэба рукавицы,
А ну, зима, до Куляк,
Каб нэ трэба андарак⁶*
[Агапкина, 1995, 81–82]⁷;

*А ну, зима, до Кривіцы,
Каб нэ трэба рукавіцы,
А ну, зима, до Куряк,
Шоб нэ трэба андарак
А ну, зима, до Кучова,
Бо ты нам наскучила.*

[ПА; БЭЛА]⁸

⁵ Отсылка на запад вписывается в круг народных представлений об аксиологии пространства и символике стран света (запад как местоположение ада, *вырия*, загробного мира; область смерти и ночной темноты) [см.: Толстой, 1995; Левкиевская, 2009, 306]. Однако в ряде случаев направление на запад обусловлено иными факторами, см. ниже.

⁶ В [ПА] в оригинале имеется пояснение: «юбка теплая».

⁷ В публикации в комментариях название *Кривица* дано в мн. ч. — *Кривицы* (притом что в приговоре форма *до Кривицы* — это род. п. в пространственном значении); название *Куляны* — результат нераспознавания почерка собирателя, в [ПА] в оригинале — *Куляк, Куляки*, что соответствует реальному названию села и поддерживает рифму: *Куляк — андарак*.

⁸ В данном случае форма *до Куряк* может объясняться стремлением усилить рифму: *Куряк — андарак*.

Аналогичная приговорка была зафиксирована в с. Оброво Ивацевичского р-на, который граничит на юге с Ивановским р-ном, где находятся сс. Кривица и Куляки; таким образом, зима отсылается на юг и на более дальнее расстояние — в соседний район:

*А ну, зіма, до **Крывіцы**,
Каб нэ трэба рукавіцы.
А ну, зіма, до **Кыляк**,
Каб нэ трэба андарак.*

[ТМКБ, 126]⁹

Три топонима разной степени достоверности можно отнести к локальному вектору, когда изгнание зимы происходит за пределы своего и соседних районов.

В место под названием *Бучин / Бучев* изгоняли зиму в сс. Ласицк (Пнс.): *А ну, зыма́, до **Бұчына**, ўжэ́ ты нам докучыла. А ну, зыма́, до Пэтра́, ўжэ́ ты нам допэ́клá [ПА], А ну, зіма, до **Бұчына**, ужэ́ ты мни докучыла [ПА]; Корсынъ (Ивн.): *А ну, зыма, до **Бучэва**, / Бо ты нам надокучыла, / А ну, зыма, до **Кіева**, / Шоб ты нас покынула [ТМКБ, 124]; Баландичи (Ивн.): *Іды, зіма, до **Бучына**, бо вжэ́ надокучыла [Там же, 125]; Нобель (Зрч.): *Ідэ, зіма, до **Бучина**, бо ты нам надокучыла [Толстая, 2005, 197].****

Никаких комментариев к топониму *Бучин (Бучев)* в архивных записях и публикациях нет. Выскажем предположение, что в этих приговорках местом изгнания зимы является с. Бучин Любешовского р-на Волынской обл. (от с. Ласицк — более 40 км на запад, от с. Корсынъ — ок. 25 км на юго-восток, от с. Баландичи — около 18 км на юго-юго-восток, от с. Нобель — около 10 км на запад). Однако в данном случае важнее оказывается не направление символического изгнания, а статус места, куда выпроваживается зима. В с. Бучин в Свято-Николаевском храме находится явленная в начале XVIII в. Бучинская икона Божией Матери, чтимая как чудотворная православными христианами волынского, ровенского и пинского Полесья¹⁰.

⁹ В материалах [ПА] из с. Оброво (Ивц.) такой пример отсутствует. Исходя из географической реальности, представить себе символическое изгнание зимы из с. Оброво (Ивц.) в небольшие села соседнего района (на расстоянии примерно в 50 км), конечно, возможно. Обратим, однако, внимание на то, что в Ивановском р-не, на юго-востоке от с. Дружиловичи (примерно в 25 км) и от сс. Кривица и Куляки (примерно в 30 км), в Молодовском с/с находится биологический заказник Оброво и по соседству — одноименная д. Оброво (Бродницкий с/с). Таким образом, выстраивается привлекательный «маршрут изгнания» зимы из с. Оброво (Ивн.) и с. Дружиловичи (Ивн.) в одном и том же направлении и в соседние села того же района. Однако это лишь гипотеза, подтвердить которую можно будет лишь по мере проверки архивных записей и накопления нового материала.

¹⁰ Ежегодно из с. Зарудчи Любешовского р-на 22 мая совершается 15-километровый крестный ход к Бучинской иконе Божией Матери.

Созвучное название *Тучин* (вариант: *Тучево*) как место ссылки зимы было зафиксировано в с. Радчицк (Стл.): *Иды́, зима́, до Тучино, ты нам надокучила. Иды́, зима́, до Льво́ва, ты ужэ́ нам нэ́ трэ́ба* [Толстая, 2005, 198]; *Иды, зима, до Киева, бо ты нам ужэ́ накидала. Иды, зима, до Тучэво* [близлежащая деревня], *бо ты нам надокучыла* [ПА]; *Иды, зима, до Тучино (где-то-нибудь)* [ПА]. Деревни Тучево среди «близлежащих» к Радчицку нет, а помета «где-то-нибудь», передающая, видимо, слова информанта, указывает на неопределенность локализации. Ближайший к Радчицку Тучин находится в Ровненской обл. Украины, и расстояние до него около 200 км на юг.

Третий топоним локального уровня — *Кучин / Кучев / Кучево* — встречается чаще всего¹¹, но и вызывает больше всего вопросов. Сначала приведем примеры приговорок: *Иды́, зима́, до Кучына, ўжэ́ та нам надокучыла, нейды́ нэ́ на грэчку, нэ́ на пишэ́нцу, ништо́ нэ́ моро́зь* (Пнс.: Ласицк) [Агапкина, 1995, 82]; *Иды́, зыма́, до Кучэва / Бо ты нам надокучыла* (Пнс.: Лисятичи) [ПА]. В этих приговорах налицо главенство рифмы с опорным словом *надокучить* ‘надоесть’.

Выше *Кучево* (*Кучава*) уже фигурировало — в записи из с. Дружиловичи (Ивн.), как «соседнее» село наряду с сс. Куляки и Кривица. В записи из с. Радчицк (Стл.) упоминается *Кучово*: *Выйдутъ, возьмутъ хлеба мо кусок, яйцо, кочергу и говоратъ с собой: «Иды, зима, до Кучово [село на западе от Радчицка] / Ужэ ты нам докучила, / Иди, зима, до неба / Уже ты нам нэ́ трэ́ба. Помахаютъ, помахаютъ тою кочергою»* [ПА], однако, поиски такого топонима в окрестностях сс. Дружиловичи и Радчицк не увенчались успехом. Возможно, подсказкой послужит указание направления — «на запад»?

Возможно, на ментальной карте жителей брестского Полесья присутствует с. Кучин, расположенное в Подляском воеводстве (гмина Клюково Высокомазовецкого повята). Самый восточный район северной части Западного Полесья — Столинский — отделяет от него более 300 км. Но дело тут не в расстоянии, а в статусности места (ср. выше о с. Бучин). Подляский Кучин является центром римско-католической парафии Воскресения Господня, одной из старейших в Польше (основана в 1419 г. епископом Луцко-Владимирским Григорием из Бучкова — *Grzegorz Buczkowski, Grzegorz z Buczkowa*), и знаменит своим неоготическим собором (1888–1893). Учитывая историческую связь парафии с Волынью и значимость этого места для верующих, можно предположить, что Кучин для католиков Западного Полесья — такое же значимое место, как Бучин для православных¹².

¹¹ Зафиксирован в Пинском, Березовском, Столинском р-нах Брестской обл.

¹² Отметим, что, по данным картографирования, хрононимы на **provod-*, относящиеся к Фоминой неделе, дважды фиксируются и на территории Восточного Подлясья, см. карту в [Агапкина, 2002, 275].

Однако обращает на себя внимание одна деталь. В [ПА] есть записи, из которых очевидно, что некоторыми собирателями Кучево не воспринималось как топоним¹³, ср., например, описание изгнания зимы посредством бросания старых лаптей: «Перед Пáскою назбира́ють постолы́ и кагутъ: “У Литвú, зима докучива, бо вже ж ты нам надокучыла”. Кíдають постолы» (Ивц.: Оброво)¹⁴. Очевидно, собиратель, записывая текст, находился под влиянием рифмы *докучива* — *надокучыла* и воспринимал *докучива* как отглагольное прилагательное (ср. рус. *докучать*, блр. *дакучаць*, *надакучаць*, укр. *докучати*) со значением ‘надоедливый, наводящий скуку’ (ср. рус. *докучливый*, *докучный*, блр. *дакучлівы*, *дакучны*, укр. *надокучливий*, *докучливий*, *докучний*)¹⁵.

Следующая группа текстов показывает, что изгнание зимы происходит по трем магистральным р е г и о н а л ь н ы м векторам (направления на большие города): в Березовском (Спорово) и Столинском (Радчицк) р-нах — в К р а к о в (т. е. на юго-запад); в Столинском р-не (Радчицк) — во Л ь в о в (на юго-юго-запад); в Березовском (Спорово), Пинском (Ковнятин), Ивановском (Корсынь, Псыщево, Тышковичи), Ивацевичском (Амельное), Столинском (Радчицк) р-нах — в К и е в (на юго-восток):

А киш, зима́, до Кра́кова. До нас придэ́ш одна́кова. А киш, зима́, до Кíева. Бо нам лі́то поки́нула (Брз.: Спорово) [Толстая, 2005, 195]; *Иди́, зима́, до Кúчева, ужэ́ ты нам докúчила. Иди́, зима́, до Кра́кова, придéш до нас одна́кова* (Стл.: Радчицк) [Там же];

Иды́, зима́, до Тучино, ты нам надокúчила. Иды́, зима́, до Львóва, ты ужэ́ нам нэ́ трэ́ба (Стл.: Радчицк) [Там же, 198];

Иды́, зыма́, до Кíева. А нам лі́то покы́нула. Иды́, зыма́, до Кúчава, бо ты нам докúчыла (Брз.: Спорово) [Там же, 197]; *Пошла, зыма, до Кíева, а нам лето покинула* (Пнс.: Ковнятин) [Там же, 198]¹⁶; *А ну, зыма, до Кíева, бо ты нам ужэ́ надоела* (Ивн.: Псыщево) [ТМКБ, 125]; *Вон, зíма, до Пэ́тра, бо ты нам напэ́кла. / Вон, зíма, до Кíева, бо ты нам накі́дала* (Ивц.: Амельное) [Там же].

Локальная традиция, зафиксированная только в Ивацевичском р-не, имеет два «г о с у д а р с т в е н н ы х» вектора. Первый — на север, в Л и т в у (приговорки

¹³ К сожалению, из записей неясно, что имели в виду под данным словом информанты; уточняющие вопросы собирателей отсутствуют.

¹⁴ Интересно, что в одной из публикаций дословно совпадающий с примером из [ПА] текст передан так: *У Литвú, зíма, до Кúчыва, бо вже́ ж ты нам надокучыла* (Ивц.: Оброво) [ТМКБ, 125].

¹⁵ Похожие примеры «нераспознавания» встречаются в [ПА] и в случае топонима *Бучин*: *Иди, зима, до бúчына, / Ужэ́ ты нам надокучыла* (Пнс.: Ласицк); *А ну зыма́ добу́чына, ўжэ́ ты мнэ́ докучыла* (Пнс.: Ласицк). Любопытный пример трансформации текста отражает приговорка из с. Оброво (Ивц.): *Иди́, зима́ летúчая, бо ты нам надокúчила* [ПА].

¹⁶ В [ПА] этот пример записан с иной пунктуацией — как констатация свершившегося факта, ср.: *Пошла зима́ до Кíева, / А нам лі́то покинула* (Пнс.: Ковнятин). В этом случае *пошла* — это не глагол в повелительном наклонении, а форма перфекта.

с упоминанием Литвы записаны в с. Оброво; обряд на *Проводной неделе* включал выбрасывание старых лаптей): «Зимú в *Литвú* прогоняли. В проводnúю неделло весной выбрасывали [старые постолы] и говорили: “Праганяю зимú у *Литвú!*”» [ПА]; «Постолы́ ростопчутьса, кídaли на смётник. Дзты постолы стиралы (sic?), зимú праганяли: “У *Литвú*, зима, бо нам постолы надокучыли”. Постолы кídaли на дорогу» [ПА]; «Выходили за ворота и проганяли зимú у *Литвú*: “Иди́, зимá, бо ты нам надокучила”» [ПА]. Второй — на восток, в Р о с с и ю (единственный пример из с. Корочин): *Idzi, zima, u Rosseju, a ja lén poseju* [ТМКБ, 125].

Согласно наблюдениям Т. А. Агапкиной, западнополесский микрорегион, где зафиксирован обряд проводов зимы с вербальными формулами (в том числе с упоминанием топонимов), имеет западную границу по линии Пружаны — Дрогичин — Камень-Каширский [Агапкина, 1995, 94]. Поэтому отсылание зимы в западном направлении есть изгнание в чужие пределы. С учетом этнодиалектного членения Полесья по оси «север — юг» [Там же, 100] очевидно, что обряд характерен для северной части Западного Полесья; логично поэтому, что приоритетным направлением изгнания из «своего» пространства в «чужое» становится юг (юго-запад, юго-восток). Особняком стоит микролокальная традиция с. Оброво, где зиму прогоняют в «далекую» Литву, на север.

Источники

- БЭЛА — Белорусский этнолингвистический атлас // Центр изучения белорусской культуры, языка и литературы Академии наук Беларуси (Минск).
 ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).
 ТМКБ — Традиційная мастацкая культура беларусаў / ідэя і агул. рэг.: Т. Б. Варфаламеева. Т. 4 : Брэсцкае Палессе. Кн. 1. Мінск : Выш. шк., 2008.

Исследования

- Агапкина Т. А.* Очерки весенней обрядности Полесья // Славянский и балканский фольклор. Вып. 8 : Этнолингвистическое изучение Полесья / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Индрик, 1995. С. 21–107.
Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М. : Индрик, 2002.
Агапкина Т. А. Петров день // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 24–27.
Агапкина Т. А. Фомина неделя // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 402–404.
Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Изгнание ритуальное // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. : Международные отношения, 1999. С. 392–397.
Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2010.
Березович Е. Л. Топонимия народная // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 284–288.

- Виноградова Л. Н.* Структурная типология и терминология обрядов «изгнания» // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 500–508.
- Левкиевская Е. Е.* Пространство // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 304–308.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник : материалы и исследования / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Наука, 1983.
- Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М. : Индрик, 2005.
- Толстой Н. И.* Восток — запад // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М. : Международные отношения, 1995. С. 445–447.
- Łaszkiiewicz M.* Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej. Lublin : Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2021.

Рукопись поступила в редакцию 08.02.2023

Рукопись принята к печати 28.02.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях административно-территориальных единиц

Брз. Березовский р-н Брестской обл. Белоруссии	Ивц. Ивацевичский р-н Брестской обл. Белоруссии
Зрч. Заречненский р-н Ровненской обл. Украины	Пнс. Пинский р-н Брестской обл. Белоруссии
Ивн. Ивановский р-н Брестской обл. Белоруссии	Стл. Столинский р-н Брестской обл. Белоруссии

* * *

Белова Ольга Владиславовна
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора
 Институт славяноведения РАН
 119991, Москва, Ленинский пр., 32а
 E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Belova, Olga Vladislavovna
 DrHab, Principal Research Fellow
 Department of Ethnolinguistics and Folklore
 Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
 32A, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
 Email: olgabelova.inslav@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5221-9424>

Olga V. BelovaInstitute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia**TOPONYMS IN THE CONTEXT OF THE WINTER FAREWELL RITE
ON THE BELARUSIAN-UKRAINIAN BORDER**

The article offers an analysis of the toponyms found in rhymed sentences accompanying the local rite of celebrating a farewell to winter and welcoming spring in Western Polesie (Brest, Volyn, Rivne regions). The ceremony is timed to the first Sunday or Monday after Easter and is a typical example of ritual expulsion (in this case, of the calendar season). The range of toponyms, as well as the vector nature of the expulsion of winter from its “own” to some “outer” space bring insight into the local ideas about symbolic boundaries, as well as the formation of mental maps reflecting the mythology of space in the minds of (micro)local population. Verbal formulas including toponyms demonstrate different ways of structuring space by means of a language (from the center to the periphery, inside and outside of the “own” space, crossing symbolic boundaries), outline the main vectors of the ritual path of the mythologized character (the winter) — microlocal, local, regional, state. In some cases, the choice of the place of winter’s exile from a particular locality is determined by its status and significance for the local confessional tradition. Some forms of toponyms recorded in folklore texts are conditional on the structure of the text (the name changes under the influence of rhyme, consonance, alliteration). The vocabulary of the winter send-off ceremony is organically consistent with the ethnodialect subdivision of Polesie. The expulsion of winter to the west is determined by the clear western border of the region where the rite takes place (the Drogichin — Pruzhany — Kamen-Kashirsky line). Taking into account the division of the Polesie region along the north-south axis, the author argues that for the rite that is spread exclusively in the northern part of Western Polesie, the south (southwest, southeast) becomes the priority direction of the expulsion of winter from the “own” into the “outer” space which is evidenced by toponyms from ritual texts.

Key words: ritual sending-off the winter; toponyms; mental maps; small folklore genres; ethnodialect subdivision of the region; linguistic and cultural borderlands

Agapkina, T. A. (1995). Ocherki vesennei obriadnosti Poles'ia [Essays on the Spring Rituals of Polesie]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskii i balkanskii fol'klor* [Slavic and Balkan Folklore] (Iss. 8, pp. 21–107). Moscow: Indrik.

Agapkina, T. A. (2002). *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara: Vesenneletnii tsikl* [Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar: Spring-Summer Cycle]. Moscow: Indrik.

Agapkina, T. A. (2009). Petrov den' [St. Peter's Day]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 4, pp. 24–27). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Agapkina, T. A. (2012). Fomina nedelia [St. Thomas Week]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 402–404). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

- Agapkina, T. A., & Vinogradova, L. N. (1999). Izgnanie ritual'noe [Ritual Expulsion]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 2, pp. 392–397). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiiia v etnolingvističeskom aspekte: Mifopoetičeskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space] (2nd ed.). Moscow: KomKniga.
- Berezovich, E. L. (2012). Toponimiiia narodnaia [Popular Toponymy]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 284–288). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Łaskiewicz, M. (2021). *Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Levkievskaya, E. E. (2009). Prostranstvo [Space]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 4, pp. 304–308). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstaya, S. M. (2005). *Polesskii narodnyi kalendar'* [Folk Calendar on the Polesie Region]. Moscow: Indrik.
- Tolstoy, N. I. (1995). Vostok — zapad [East — West]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 1, pp. 445–447). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1983). *Polesskii etnolingvističeskii sbornik: materialy i issledovaniia* [Polesie Ethnolinguistic Collection: Materials and Research]. Moscow: Nauka.
- Vinogradova, L. N. (2004). Strukturnaia tipologiia i terminologiia obriadov “izgnaniia” [Structural Typology and Terminology of the Rites of “Expulsion”]. In V. A. Vinogradov (Ed.), *Semiotika. Lingvistika. Poetika: K stoletiiu so dnia rozhdeniia A. A. Reformatskogo* [Semiotics. Linguistics. Poetics: On the Centenary of the Birth of Alexander Reformatzky] (pp. 500–508). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on 8 February 2023
Accepted on 28 February 2023